

О ЧЕМ ГОВОРИЛ ГОРЬКИЙ.

Речь на торжественном заседании объединенного Горсовета 7-го августа.

Максим Горький в своем рабочем кабинете в Н.Новгороде в 1901 году.

— Ну, вот что, дорогие товарищи и земляки. Я оратор плохой, политический речей говорить не умею. Я ваш лучший рассказчик. Ведь я по профессии рассказчик (аплодисменты).

И рассказку—зачем я сюда приехал после шестилетнего отсутствия и что я здесь встретил.

Там, в Западной Европе, как вам известно, живут интеллигенты, эмигранты в достаточном количестве и издают газеты, в Париже, в Берлине, в Риме, в Праге и т. д. Так как им делать больше нечего, так вот они в этих газетах и пишут о том, что у нас делается, пишут, опираясь, главным образом, на нашу советскую прессу, берут из этой прессы указания на все наши недостатки, которые здесь происходят так—например, «молодые безпризорники в одном из уездов Московской губернии, в Звенигороде целый город разрушили, имели сражение с Красной армией, обе стороны понесли тяжкие потери, есть убитые и т. д.». Странно много вот таких «событий», которые определенно свидетельствуют о том, что рабоче-крестьянское правительство день ото дня постепенно разваливается. Это, так сказать, все содержание эмигрантских газет клонится к тому, чтобы все достижения свести на-нет. И почему, собственно, живет Советский Союз и как он держится—это очень трудно понять, потому что нет никаких оснований существовать в таких невероятных тяжелых условиях, как это изображено в этих газетах.

Так вот я, собственно, и пытался этой пищей, потом ее дополнил горькими статьями из «Правды», «Известий» и из «Нижегородской Коммуны» и других бесчисленных статей, отображающих наши недостатки и просчеты. Затем приезжали товарищи, то тот, то другой ко мне в Сорренто. Один из приехавших ко мне рассказывал, что во всем Советском Союзе споят холодильники и говорил он о них, как поэт о стихах, и это было в высшей степени странно и не соответствовало тем, что пишут в газетах, что тут все разрушается. Но когда я этого человека, который говорил о холодильниках, как поэт, спросил, что у вас еще делается, кроме холодильников, то он знал очень мало. Но это в известной мере естественно: каждый рабочий должен быть фанатиком в своем деле, должен любовно к нему относиться. Это верно. Приезжает другой и рассказывает, что он только что приехал в Италию и заказывал пароходы, рассказывал о том, какие это будут лесовозы, как он будет возить с Кавказа лес. И как рассказывал! Ведь это, чорт его побери, настоящий поэт! Но он знает только о лесовозах, о сплаве, и, кроме этого, он ничего не знает, не знает, например, что делается в Сорренто.

Так вот, товарищи, я и приехал сюда, чтобы разобраться в этом деле и

посмотреть, что вы тут делаете. И вот теперь, товарищи, без восторга, у меня основное впечатление, что в стране есть хозяин. И уже не назову его пролетариатом, для меня это не пролетариат,—это рабочий класс. Это огромная творческая сила, сила, направленная по прямой, кооперированная, ясно поставленной цели. Это не пролетариат, потому что в его руках и фабрики, и заводы, и в его руках власть политическая. Это хороший хозяин! И приведу этому ряд примеров. Здесь тов. Пахомов в своей очень умной, хозяйственной речи сказал о недостатке технических знаний, перечислил ваши недостатки. Да, но ведь, товарищи, видите, какая вещь,—из этих десяти лет, которые вы здесь властвуете, вы работаете только 6 лет. 4 года вы воевали, и я считаю, что только шесть лет вы накапливали технические знания. За эти шесть лет, находясь в условиях крайне тяжелых и строя новую культуру, новые хозяйственные формы жизни, без денег, в условиях крайне тяжелых, за эти шесть лет технических знаний приобрести нельзя, тут и требовать нечего.

Говорил тов. Пахомов и о мосте и об урагане, который разбил мост. Ураган этот пока не во власти рабочего класса (смех). Но я думаю, товарищи, что с развитием технических знаний, несомненно, рабочий класс оборвет крылья урагану и свернет ему голову, если она у него есть. Это не надо, товарищи, рассматривать, как шутку. Я побывал здесь на набережной в радиолоборатории, походил, посмотрел. Будучи еще и раньше знаком с этой работой, я полагаю, что я вправе говорить о возможности свернуть урагану голову, ибо эти чудеса, которые делаются простыми людьми, вооруженными техническими знаниями, вооруженными волей, эти люди, которых вы из себя выделяете, эти люди будут прекрасно справляться с ураганом. Почему нет? Какие, вообще, можно построить преграды человеческой воле и фантазии? Вы же сами этому пример. Ведь вот говорят, что вы считать не умеете. Товарищи, вы начали считать, считая на копейки, а теперь считаете на миллионы. Вот и бывают некоторые просчеты, потому что цифры разнятся очень. Вот, если бы в свое время вы зарабатывали миллионы, вы бы не ошибались, а так как вы зарабатывали рубльщики, то, конечно, вы и ошибаетесь. (И вот и сам застывает, сколько тысяч в миллионе).

Видите ли, какая вещь—тут вот этот класс, который сейчас в Советском Союзе пришел к власти, тот класс, который здесь работает, этот класс создает, действительно, чудеса и делает чудесные вещи. Этот класс не может не верить в то, что он создает своих ученых, таких, как Маркони, Павлов. Он должен в это верить, это его прямой обязанность. Он стоит впереди трудящихся всего мира, он в своей могущественной силе должен стоять очень прямо, он должен себя

показать во всей своей силе и красоте, во всей мощи и во всем бесстрашии.

Вот я хочу говорить и о бесстрашии. Это будет иллюстрацией к картине ваших достижений. Такие задачи, которые сейчас стоят перед рабочим классом, эти задачи можно назвать сверхамериканскими по их размаху, по тому, что делается, например, на Днепрострое. Это совершенно изумительно, и я не думаю, что люди Запада взяли бы за этот дерзкий и изумительный план с такой решительностью и смелостью, как это сделали у нас. Поднять Днепр чуть ли не на 52 метра над его уровнем, сделать порт, сделать силовую станцию, создать, чорт его знает, что, и это делает народ, у которого нет денег, которому денег не дают и не дадут, потому что ждут, чтобы он пришел и поклонился. Но он не придет и не поклонится, это дурак (аплодисменты). Об этой работе нельзя рассказать в такой речи, о ней надо написать, и я напишу, и думаю, что мне это удастся. Это совершенная сказка.

Другое впечатление, столь же значительное,—это Баку. Это настоящий рабочий город. Рабочий класс—превосходный хозяин. В Баку раньше было 238 собственников. А теперь всем этим делом руководят только двое рабочих: Бариннов и Руминцев, и они сделали столько, что ни одному из собственников и не снилось. И все это за 6 лет, и чорт знает, как им это удалось—и не поймешь!

И был в Баку на промыслах, я знал эти улицы, насквозь пропитанные нефтью, этот запачканный город, покрытый чуть ли не на вершок пылью, видел эти бесконечные груды железа и лома, видел, как бил фонтан. Теперь этого ничего нет. Фонтан не бьет, а как только прорывается, ему что-то делают, и работает он так, как надо, по определенному руслу. Вышки сваяли. В них нет надобности. На промыслах рабочих не видеть. Стоит джель, от него идут во все стороны железинки и работают так, как надо, и на промыслах ничего не видеть. Я сам плохой хозяин, но то, что я видел—это меня подкупает. Есть в этом поэзия труда, поэзия воли. Построены бесчисленные рабочие дома, рабочий турк живет чисто, у него канализация, водопровод, души, здоровые ребята. Получается любопытная картина.

И вот все, что я видел на протяжении 8 тысяч верст от Москвы до Эривани и от Эривани до Нижнего, я должен сказать, товарищи, что на всех пунктах, где мне приходилось останавливаться, я повторяю, впечатление огромное. Такое впечатление, что в стране есть хороший, умный хозяин, человек, прекрасно начавший понимать свое историческое назначение. В этой стране делается так много, что получается впечатление сна. Шесть лет—очень ничтожный отрезок времени. И вот за эти шесть лет как измени-

лась деревня. Я повсюду видел новые избы, везде работают тракторы. По всему этому видно, что крестьянство хорошо поправляется.

И сколько всего нового построено. Замечательно! И подумайте, сколько нужно было починить.

Тов. Красин мне за два года до смерти говорил—большое бремя на нас лежит. Например, чтобы перестроить дороги, нужно 48 милл. шпал. Однако, 48 милл. шпал нашлось, дороги перешиты, крушений, как вы знаете, мало, почти нет.

Затем целый ряд таких вещей, как, например, Махно разрушил 28 мостов, и сейчас все это заново восстановлено великолепнейшим образом. И так везде, куда ни поглядишь, везде идет работа, везде виден хозяин—приспособился он, трудится.

Надо ли говорить о том, что, например, в Азербайджане турки, под влиянием вашим, под влиянием рабочего класса, который идет вперед, турки заменили свой алфавит арабский—латинским.

Вы, конечно, знаете, что раньше турки резали армян, и армяне резали их. И это было не шутка, а теперь армянские детишки армяноязычные в городских школах в качестве учителей, и женщины-мусульманки ходят без чадры, ведут общественную работу, работают наравне с мужчинами, а на некоторых участках гораздо лучше мужчин.

Это уже известно. На турецком празднике одна работница-текстильщица говорила (мне переводили ее речь) с таким энтузиазмом о том, что они сделали первые шаги к объединению народностей турецкого племени, что они уверены, что за ними последуют и казанские татарки и др. Одна простая работница-текстильщица ска-

зала мне, что работке люди должны говорить на всех языках или все на одном языке.

Для того, чтобы такую речь сказать турчанке, видно, что что-то случилось, произошло какое-то сдвиги.

Вы понимаете, что значит положение женщины-мусульманки. И, однако, она, мусульманка, она прекраснейшим образом работает в Дагестане, Азербайджане и повсюду.

Даже в самых отсталых племенах они сидят в сельсовете. Это удивительно! Это надо оценить. Это ваше влияние, это выражение вашей же энергии, которая заражает этих людей.

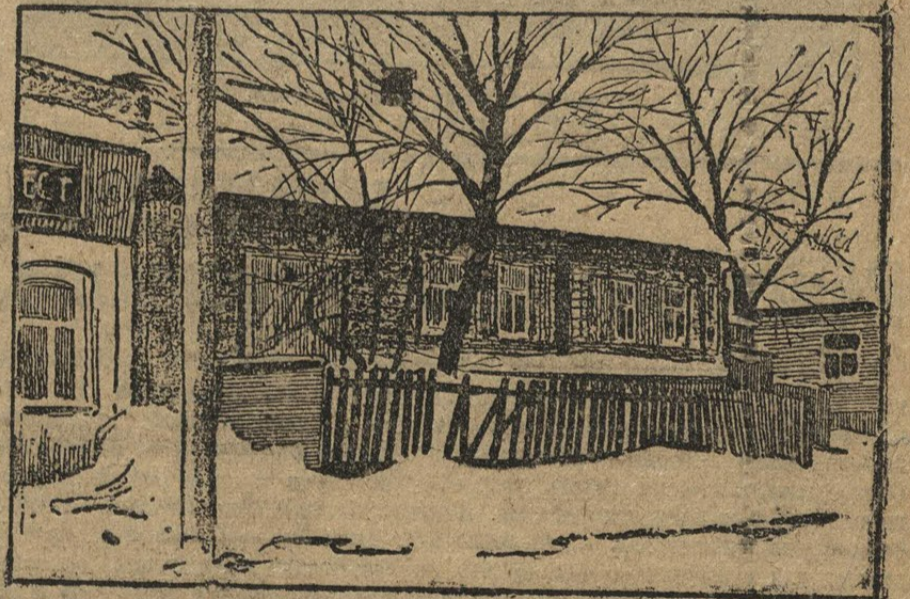
Вокруг нас живут люди, которых вы не знаете, они быстро и хорошо идут за вами.

Товарищи, когда говорится о ваших недостатках в прессе, это, конечно, все надо говорить. Надо говорить и о том, что иногда вы работаете хуже, чем раньше работали на чужого дядю, на буржуа, надо говорить также и о том, что воду вы пьете неумеренно, лентяйства много, мечанство еще сидит в нас—обо всем этом надо говорить.

Да, в достаточной мере в каждом из нас сидит старое и новое. И об этом надо говорить. Но, товарищи, гораздо важнее говорить о том, что вас отталкивает от старого мира, о том, как вы создаете новый мир. Вы поете—мы свой, новый мир построим—и не надо забывать, что новый мир вами строится (аплодисменты) хорошо строится, очень хорошо строится. И это поможет вам легче освободиться от старых навыков, от старого мира, поможет шире взглянуть на этот ваш великий, умный, исторический труд.

Вот, дорогие товарищи, все, что я хотел сказать (аплодисменты).

Сегодня Максим Горький предполагает ознакомиться с работой некоторых предприятий Канавина и с заводом «Красное Сорново».

В этом доме (на Успенском с'езде) Алексей Максимович жил в детстве.